

Проводив старого мастера Бяня и его спутников, Чжао Ючжи показал Лянь Цзяньюэ чертежи и рассказал о текущих заказах мастерской. Помимо Меча Скрытого Света, предназначенного для съемок фильма, в списке значились железное седло для конного завода «Канькань» во Внутренней Монголии, одна Сабля для Рубки Коней с Золотыми Кольцами и три особых дротика из сплава — памятный заказ от Китайской ассоциации дартса для крупного турнира.

Создание Меча Скрытого Света требовало колоссального времени и сил — по расчетам Бянь Шичжэнь, только на шлифовку должно было уйти не меньше тринадцати месяцев. Из объяснений Чжао Ючжи Лянь Цзяньюэ понял: утренний гнев старого мастера Бяня был вызван именно трудностями с этим клинком. Теперь, когда учитель уехал, а старшая шицзе отсутствовала, Ючжи попросту не осмеливался браться за столь тонкую работу. Как он и ожидал, второй шисюн предложил сначала разобраться с седлом и дротиками. Оба заказа были срочными и весьма непростыми. С тем же седлом, к примеру, предстояло сначала по меркам заказчика изготовить деревянную основу — лекало для литья металлической формы. С кондачка такое не делается.

Среди всех учеников старого мастера Бяня Лянь Цзяньюэ лучше всех владел плотницким делом, так что изготовление деревянной основы под седло само собой легло на его плечи.

Работа с деревом требует чуткости пальцев и глубокого понимания характера материала. Лянь Цзяньюэ, наделенный природной сметливостью и ловкими руками, к тому же часто бродил по горам и прекрасно разбирался в лесных породах. К тому же плотницкое ремесло не требовало грубой силы или занудного монотонного труда, поэтому он занимался им с особым удовольствием.

Эти три заказа — седло, саблю и дротики — Бянь Шичжэнь раздобыла лично. Цзяньюэ понимал, что работать придется с полной самоотдачей, иначе простым нагоняем от мастера они не отделаются. Чжао Ючжи, для которого слово шицзе было законом, тоже не смел халтурить. Весь оставшийся день братья провели в мастерской, не разгибая спин и не отвлекаясь на пустую болтовню. Очнувшись они только на закате, когда шинян позвала их ужинать.

Шинян Минмин приготовила щедрый стол. Позвав мужчин, она наложила себе немного еды в тарелку и унесла к себе, оставив Цзяньюэ и Чжао Ючжи вдвоем за просторным квадратным столом баянь.

Ючжи достал две банки ледяного пива. После тяжелого трудового дня первый же глоток принес блаженное облегчение. Переглянувшись, они устало улыбнулись друг другу. Отправив в рот кусок мяса, Чжао Ючжи завязал разговор:

— Шичжэнь только что прислала сообщение. Пишет, они уже в Янчжоу.

— Долгая дорога утомляет, — отозвался Цзяньюэ. — Пожалуйста, передай шицзе, мастеру и

четвертому шиди Синшаню мои пожелания доброго отдыха, когда будешь отвечать.

Ючжи кивнул и, уткнувшись в телефон, принялся набирать ответ.

— Как думаешь, — задумчиво спросил он, не отрывая взгляда от экрана, — зачем учителю понадобилось так спешно срываться в Янчжоу? Случилось что-то важное?

Цзяньюэ усмехнулся:

— Если уж вы с шицзе не в курсе, откуда знать мне?

Ючжи хмыкнул, приложился к банке и принялся неспешно уплетать ужин. Цзяньюэ положил себе пару ребрышек в кисло-сладком соусе, подцепил палочками зелень и быстро расправился с пиалой риса. Допив пиво, он поднялся из-за стола:

— Шисюн, приятного аппетита. Я пойду.

Тот лишь кивнул в ответ, продолжая со вкусом причмокивать над тарелками. Цзяньюэ вымыл за собой посуду и поднялся к себе на мансарду.

Перед отъездом старого мастера Бяня Цзяньюэ помог ему собрать сушившиеся во дворе книги и убрать их в библиотеку. Тогда учитель разрешил ему брать почитать все, что приглянется. Цзяньюэ выбрал несколько трудов даоса Мучжу. Теперь, когда появилось свободное время, он достал их и принялся перелистывать. Больше всего его интриговала книга «Записки о явленных демонах и чудовищах», однако, прочитав пару страниц, он лишь недоуменно усмехнулся.

Книга оказалась банальнейшим бульварным романом с эротическим уклоном. Страницы пестрели нелепыми и весьма откровенными байками, где доблестные даосы то и дело умиряли то блудливых бесовок, то похотливых демонов. Все помыслы героев вертелись вокруг плотских утех. Сюжеты грешили самоповторами, типажи кочевали из главы в главу: сплошь смазливые школяры и томные девицы из благородных семей, brave дровосеки и разбойники с большой дороги. Вскоре Лянь Цзяньюэ заскучал. Пролистав еще десяток страниц, он так и не нашел упоминания о Мече Плачущего Дождя. Сладко зевнув, он закрыл книгу, встал, чтобы размять затекшие мышцы, и подошел к окну дать глазам отдых.

Внизу Чжао Ючжи уже закончил с ужином и теперь возился у раковины. Из задней половины дома вышла шинян. Теща с зятем негромко переговаривались о каких-то бытовых мелочах.

Вскоре они разошлись по своим комнатам. Погасли лампы в коридорах, глухо хлопнула входная дверь. Внутренний дворик погрузился в глухую, абсолютную тишину. После отъезда большей части обитателей усадьба Бянь, и прежде не отличавшаяся шумным оживлением, казалась совсем заброшенной и унылой.

Цзяньюэ вернулся в постель и снова раскрыл «Записки о явленных демонах и чудовищах», но перед глазами у него неожиданно возник образ монаха Ляоцюэ — отрешенного от мирской суеты, светлого, словно выточенного из чистейшего нефрита.

Облик этого буддиста дышал такой чистотой и благородством, что неведомая сила заставляла замереть в благоговении, созерцая его неземные черты. Лик, подобный лику бодхисаттвы, бездонное милосердие, безупречная осанка и совершенные, лишенные единого изъяна черты лица...

Внезапный прилив смутного беспокойства лишил Цзяньюэ покоя. Мысли путались, внутри нарастало глухое раздражение.

«Какого черта я не могу выбросить его из головы?»

Он уставился в потолок, но скошенные скаты крыши словно давили на него, лишая воздуха. Не выдержав, он поднялся, накинул куртку и вышел за ворота усадьбы, надеясь разогнать тоску ночной прогулкой по горным тропам.

Весенний ветер доносил сладкие ароматы цветущего леса. Раненая ладонь, куда давеча впилась заноза, нестерпимо чесалась, но Цзяньюэ сдерживал порыв расковырять кожу. Бесцельно побродив среди темных деревьев и поняв, что уединение его не спасает, он плюнул на все, спустился к дороге, миновал деревенскую окраину и поймал попутку до Вэньчжоу.

Ночной Вэньчжоу бурлил жизнью. Разноцветные неоновые вывески слепили глаза, на крыше огромного универмага сиял колоссальный трехмерный экран: то на нем неспешно прохаживался виртуальный силуэт, то вдруг скалился гепард, готовый прыгнуть прямо на прохожих. Скверы, площади с поющими фонтанами, многочисленные закусочные и рестораны — все было забито до отказа. Дороги запрудили машины, по тротуарам лениво фланировали праздные компании. Люди глазели по сторонам, громко смеялись и с готовностью вливались в любую уличную суету.

Цзяньюэ бесцельно шел сквозь толпу, рассматривая витрины и примечая лавки, перед которыми выстраивались очереди из желающих сделать памятный снимок. Постепенно он углубился в более тихий, полупустой квартал. Подняв голову, он заметил тусклое сияние синего неона в глубине невзрачного переулочка. Мимо него прошел пиджачник, от которого пахло бриолином. Тот мазнул по лицу Цзяньюэ оценивающим взглядом и свернул в ту самую подворотню.

Цзяньюэ, повинувшись внезапному импульсу, двинулся следом.

Модник сделал несколько шагов, притормозил у круглосуточного минимаркета и оглянулся. Увидев Цзяньюэ, он едва заметно улыбнулся одними уголками губ и ускорил шаг, юркнув под светящуюся вывеску гей-бара «Затерянная Бездна».

Цзяньюэ толкнул тяжелую дверь. Лицо сразу обдало запахом дорогого парфюма и спиртного, преграждавший путь тяжелый занавес из королевского синего бархата мягко скользнул по плечам. Раздвинув ткань, он оказался перед круглым танцполом. В полумраке под тихий, обволакивающий ритм медленно двигались неразличимые пары, тесно прижавшись друг к другу.

Вдоль стены тянулась барная стойка, над которой покачивался ряд матовых янтарных светильников. Затылки сидящих отражались в огромном зеркале на стене. Вокруг танцпола были расставлены небольшие столики, большая часть которых пустовала.

Наметившийся было проводник бесследно растворился в толпе. Цзяньюэ прошел к залитой светом стойке и заказал пиво.

Плавная мелодия смолкла, уступив место тяжелым, бьющим по ушам басам. Зал захлестнули ядовито-фиолетовые вспышки стробоскопа. Кто-то в толпе залихватски свистнул. Бармен, расплывшись в белозубой улыбке, поймал ритм и задвигал бедрами. Потянувшись под стойку, он щелкнул тумблером, и янтарный свет над головой приглушенно угас.

— Эй, красавчик! Потанцуем? — кто-то хлопнул Цзяньюэ по плечу. В полумраке лица незнакомца было не разглядеть.

Цзяньюэ вежливо улыбнулся и качнул головой.

— Кого-то ждешь? — не унимался тот.

Фиолетовые блики на его щеках сменялись мертвенно-бледными, напоминая описание «бесов юности» из той самой даосской книжонки. Эти твари обожали вселяться в тела молодых парней и девушек — алчные, бесстрашные, ветреные и капризные создания, которые панически боялись собственного отражения. Стоило им увидеть себя в зеркале, как они в ужасе покидали чужую плоть и убегали во все стороны в поисках новой жертвы.

Цзяньюэ промолчал, и парень, потеряв интерес, тут же увлек в круг другого кавалера. Зажмурившись, они отдались ритму, тесно соприкасаясь разгоряченными телами.

Темп музыки больше не замедлялся. Клуб стремительно заполнялся народом. К Цзяньюэ то и дело подкатывали с банальными предложениями: звали танцевать, просили прикурить, пытались угостить выпивкой. На танцпол он не пошел, курить не курил, а приткному малолетке, который вознамерился купить ему коктейль, сам заказал стакан апельсинового сока.

Когда Цзяньюэ жестом попросил у бармена четвертую бутылку, тот вдруг перехватил его за предплечье и притянул к себе. Наклонившись так близко, что губы почти коснулись мочки уха, а горячее дыхание обожгло шею, парень прошептал:

— А ты разборчивый, да?

Цзяньюэ перехватил его ладонь, приподнялся на стуле и выдохнул в ответ:

— Мой рост — метр восемьдесят семь.

Бармен хрипло расхохотался. Спустя минуту они уже пробирались в мужской туалет.

Здесь было поспокойнее. Единственный тусклый светильник над зеркалом заливал кафель тревожным багровым светом. Из трех кабин две были заперты, откуда-то извне сквозь перекрытия доносился глухой, сводящий с ума гул дискотеки. Внутри же царило напряженное молчание. Они скользнули в последнюю, самую дальнюю кабинку.

Парень оказался невысоким, с гибким телом и на диво податливым, горячим языком. В кармане у него завалилась пара презервативов. Для Цзяньюэ, искавшего предлог сбежать от собственных мыслей, это дорожное приключение пришлось как нельзя кстати: случайная плоть, скользкая кожа, животное беспамятство под багровой лампой... Страсть захлестнула обоих без остатка, и жаркая схватка разрешилась бурной, освобождающей лавиной.

В мутных отсветах ржаво-красного светильника ему на миг почудилось, будто он сжимает в объятиях холодное, безупречное тело монаха Ляоцюэ.

За дверью по-прежнему гремел бас, но внутри у Цзяньюэ наконец воцарился глухой покой. Смыв с себя липкое напряжение последних дней, он глубоко, с облегчением выдохнул.

Бармен, шурша джинсами, защелкнул ремень, прикурил сигарету и после пары затяжек протянул ее Цзяньюэ. Тот отказался, привел в порядок одежду и вышел к умывальникам.

У зеркала, густо крася губы, стояла девица в вызывающем наряде, не удостоив вошедших даже мимолетным взглядом.

— Скинешь вичат? — спросил парень, вставая у соседней раковины и смывая мыльную пену.

Цзяньюэ похлопал себя по карманам куртки.

— Телефон дома оставил.

Тот лишь усмехнулся и скептически покачал головой.

— Да серьезно, не вру, — развел руками Цзяньюэ.

Парень прикурил по новой и покатился со смеху, пряча лицо в сизом табачном дыму. Он явно счел это за изящный отказ и понимающе помахал ладонью на прощание.

На выходе из клуба во рту остался неприятный горький привкус. Цзяньюэ миновал душный предбанник и вышел в прохладу переулка. Возле круглосуточного магазина он притормозил, зашел внутрь и купил пачку фруктового мармелада и рожок с сиреневым шариком таро. Слизывая сладкое лакомство, он лениво брел к выходу на освещенный проспект, гадая, чем бы еще занять остаток ночи. И тут на самом выходе из проулка взгляд его наткнулся на странную фигуру. Прямо на огромном тридцатидюймовом дорожном чемодане, преграждая дорогу, сидел человек в натянутой по самые уши бейсболке, скрестив ноги по-турецки.

В темноте было не разобрать ни лица, ни пола незнакомца. От него пахло едва уловимым, горьковатым ароматом бергамота.

И еще от него исходила чистая, почти осязаемая жажда крови.

Дело пахло керосином. Цзяньюэ замер на месте, откусил верхушку рожка и негромко спросил:

— Кого-то ищете?

Сидевший на чемодане резко сорвал бейсболку. Под ней оказалось красивое, утонченное лицо с тонкими, почти девичьими чертами, хотя по голосу сразу угадывался парень. Незнакомец вперил в Цзяньюэ яростный взор и процедил:

— «Вы» мне тут еще говори, твою мать! Я так и знал, что ты тут, в притоне, трахаешься!

Цзяньюэ мгновенно признал гостя.

— Фэн Сюэй? — Он опустил взгляд на чемодан. — Ты что, на гастроли в Вэньчжоу приехал?

Глаза Фэн Сюэя налились кровью. Соскочив на асфальт, он со злостью пнул чемодан — тот покачнулся, но устоял.

— Какое, нахрен, выступление?! Моего мастера заживо сожгли! А я, по-твоему, кривляться на сцене должен?! Да пошло оно всё к черту!

Он выудил из кармана смятый листок и швырнул его в лицо Цзяньюэ:

— Твои гребаные каракули я из тысячи узнаю, даже если их сожгут! Решил под псевдонимом скрыться? Твою мать! Говори живей, кем тебе приходится этот Лянь Уцзэн? И какого хера ты связан с Цюй Цзючуанем?!

Цзяньюэ поймал бумажку. Это была квитанция экспресс-доставки, которую он заполнял в лавке Каменной деревни, когда отправлял священные реликвии в Пекин. В графе «Получатель» значился некто Ю-второй.

Слизав каплю подтаявшего мороженого, Цзяньюэ полюбопытствовал:

— А этот Ю-второй тебе кто?

Фэн Сюэя аж затрясло от ярости.

— Ты, сука, издеваешься?! Стоишь тут и жрешь свое гребаное мороженое!

Он вцепился в выдвижную ручку чемодана с таким видом, будто собирался разбить его об асфальт. Цзяньюэ уже открыл было рот, чтобы попросить его не портить вещи, но Сюэя внезапно успокоил дыхание. Его губы искривились в зловещей усмешке.

— Прекрасно. Раз так, я прямо сейчас скормлю этого твоего Цюй Цзючуаня рыбам!

С этими словами он резко развернулся и покатил чемодан прочь. Цзяньюэ бросился вдогонку.

— погоди! Цзючуань что, внутри?! Зачем ты его засунул в чемодан? — Он ускорил шаг. — И вообще, если я не доем рожок, он растает!

Сюэя даже ухом не повел, лишь прибавил шагу. На лбу Цзяньюэ выступила испарина. Он слишком хорошо знал характер этого парня: когда тот впадал в раж, тормоза у него отказывали напрочь. В чемодане действительно мог оказаться заперт Цюй Цзючуань, а Фэн Сюэя слов на ветер не бросал — если грозился утопить, значит, утопит и глазом не моргнет. Силой отнимать ношу было бесполезно — Сюэя дрался как бес, да и вызывать к совести или закону бесполезно, тот плевать хотел на правила. Нужно было срочно заговорить ему зубы и прояснить ситуацию.

Цзяньюэ рванулся вперед и мертвой хваткой вцепился в плечо Сюэя:

— Да остынь ты! Лянь Уцзэн — мой отец. Он позвонил мне, когда понял, что умирает. Я поехал туда, похоронил его, справил тризну и только позавчера вернулся из Каменной деревни.

Фэн Сюэя замер на месте. Гнев на его лице сменился замешательством, но он все еще тяжело сопел. Сбросив ладонь Цзяньюэ со своего плеча, он смерил его раздраженным взглядом и цыкнул:

— Твою мать, да выкинь ты уже эту сладкую херню!

Цзяньюэ в три укуса прикончил остатки рожка, вытер липкие губы тыльной стороной ладони и указал подбородком на вывеску недорогого мотеля неподалеку.

— Пошли туда. Снимем номер и все спокойно обсудим.

<http://bllate.org/book/19697/1996236>